

Геннадий Евстафьев

РАЗОРУЖЕНИЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ

В последнее десятилетие мы являемся – кто свидетелем, а кто и прямым участником *совершенствования* и *наращивания* вооружений во всем мире. Достаточно сказать, что военные расходы всех стран мира к 2006 г. достигли не укладывающейся в голову цифры – 1,1 трлн долл¹.

Половина этой суммы падает на военный бюджет США – по-видимому, отсюда и проистекает наступательный характер концептуальных воззрений американских военно-политических стратегов и энергичное претворение этих воззрений в жизнь. Задавая тон, Соединенные Штаты вынуждают остальных – как своих союзников и партнеров, так и противников, в меру имеющихся финансовых и научно-технических возможностей тянуться за ними с тем, чтобы не дать окончательно нарушить и без того хрупкий, изрядно расшатанный (а, может быть, уже и иллюзорный) баланс сил. Это большая *медвежья услуга*, которую делают наши американские партнеры всему остальному человечеству.

При этом говорить и обсуждать проблему сдерживания роста военных бюджетов стало не модно. Отсюда следует, что в обозримом будущем тенденции их непрерывного роста будут сохраняться.

КРИЗИС ПОЛИТИКИ РАЗОРУЖЕНИЯ

Стремительные темпы прогресса в военно-технических технологиях, их быстрое внедрение в вооруженные силы многих государств и, как следствие, пересмотр военно-доктринальных подходов к использованию вооруженных сил для борьбы с новыми угрозами и геополитическими вызовами – все это застало мировое сообщество врасплох.

Как результат этой уже изрядно затянувшейся растерянности международно-правовая база контроля над вооружениями – а формировалась она десятилетиями – стала устаревать. По многим параметрам **она больше не соответствует требованиям современных условий**.

В последние годы нарушился и некий негласный баланс, существовавший долгое время между усилиями в сфере чистого классического разоружения, с одной стороны, и областью борьбы с распространением оружия массового уничтожения (ОМУ), – с другой. При этом я далек от мысли противопоставить их друг другу. Вместе взятые, оба направления составляют суть и содержание мирового разоруженческого процесса. Это хорошо видно из перечисления известных 13 практических шагов по обеспечению систематических и последовательных усилий по осуществлению ст. VI Договора о нерас-

А
Н
А
Л
И
З

пространении ядерного оружия (ДНЯО), принятых участниками Конференции в Нью-Йорке в 2000 г.².

Как известно, в принятом документе содержатся и скорейшее вступление в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), и разработка Договора о запрещении производства расщепляющегося материала для ядерного оружия или других взрывных устройств (ЗПРМ), и скорейшее вступление в силу и полное осуществление Договора СНВ-2, и заключение как можно скорее Договора СНВ-3 при сохранении и укреплении Договора об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО) как краеугольного камня стратегической стабильности и как основы для дальнейшего сокращения стратегических наступательных вооружений, а также применение принципа необратимости к мерам по ядерному разоружению и много чего еще.

С удовлетворением можно отметить, что 25 декабря 2006 г. президент России подписал Федеральный закон «О ратификации соглашения между правительством Российской Федерации и ПК ОДВЗЯИ о проведении мероприятий в отношении объектов Международной системы мониторинга, предусмотренной Договором о Всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний»³. Мир давно ждет американских шагов по ратификации самого ДВЗЯИ, что помогло бы снять серьезные сомнения относительно конечных замыслов США.

Однако в целом, как показали последовавшие после документа 2000 г. события, **надежды на серьезный прогресс в области ядерного разоружения не оправдываются.**

Ядерное оружие, как минимум, до середины XXI века уверенно будет занимать свое *исключительное* место в арсеналах официальных ядерных держав и усиливать свои позиции в вооруженных силах неофициальных ядерных держав (Индии, Пакистана и Израиля). Потенциал последних, не будучи ограничиваемым никакими соглашениями, скоро может стать сопоставимым с ядерными арсеналами таких держав, как Франция, Великобритания и Китай, ядерные возможности которого теперь оценивают примерно в 200 единиц (в 2004 г. – 402 единицы)⁴.

Конечно, не все выглядит совсем мрачно. За последние 10–12 лет количество ядерных боеголовок, находящихся на вооружении США и России, в результате достигнутых соглашений сократилось более чем в два раза. Но остальной мир *справедливо* считает, что этого мало. 30 сентября 2005 г. США и Россия объявили о том, что по соглашению ВОУ-НОУ от 1993 г. завершена конверсия 250 т ВОУ, что приблизительно дает 10 тыс. ядерных боеголовок⁵. На рубеже XXI века возникли иллюзии насчет того, что мы находимся накануне прорыва. 13 ноября 2000 г. недавно избранный президент России В.В. Путин заявил: «Мы не видим оснований, которые препятствовали бы дальнейшим глубоким сокращениям стратегических наступательных вооружений. Как известно, мы предложили США, в том числе и на самом высоком уровне, поставить в качестве цели достижение (что вполне реально сделать к 2008 году) радикально пониженных уровней ядерных боезапасов наших стран до 1500 единиц. Но и это не предел – мы готовы рассмотреть в последующем и более низкие уровни»⁶. Даже известный в свое время *ястреб* генерал Эндрю Гудпейстер, бывший в конце 1990-х гг. президентом влиятельного в США Атлантического Совета, выдвигал идеи СНВ-3, СНВ-4, СНВ-5 с выходом в конечном итоге на совокупный уровень 1 000 ядерных боеголовок для всех пяти официальных ядерных держав⁷.

Но этого не произошло. В США к власти пришли радикально настроенные республиканские консерваторы, которые были убеждены, что вот-вот наступит *американский век*, то есть век длительного безраздельного военно-политического господства США. Известные сторонники *разрядки*, например Генри Киссинджер, рассматривались ими как *пораженцы*. Более того, по словам известного американского политолога Роуз Геттемюллер, президент Джордж Буш-младший «радикально изменил проведение американской политики в области разоружения, применив два принципа: сделал ставку на односторонние действия [...] и отбросил те переговорные механизмы, которые могли бы рассматриваться как устаревшие или вредные для интересов США»⁸.

Последствия этого выбора Вашингтона продолжают ощущаться до сих пор. Очень быстро был утрачен Договор по ПРО, ушел в небытие и из политического употребления СНВ-2. СНВ-3 был заменен Договором о сокращении стратегических наступательных потенциалах (СНП), который имеет свою специфику по сравнению с предыдущими соглашениями между двумя странами. Настали времена, окрашенные болезненной реакцией США на драматические и неожиданные события 11 сентября 2001 г. и стремлением силой, даже в одиночку, разгромить террористов по всему миру. Одной из главных задач стало лишение террористов доступа к ОМУ. В 2003 г. началась иракская операция, обернувшаяся предсказуемо катастрофическими последствиями для Ирака и для всего региона; она длится до сих пор. *Глобальная война* против терроризма стала главным политическим козырем республиканской администрации. В результате был пересмотрен концептуальный подход к строительству ядерных сил и их возможному использованию. Мир явился свидетелем появления американской концепции *новой триады*. Классическое разоружение прочно ушло в тень.

Несбалансированное увлечение тематикой нераспространения ОМУ проявилось не только в переносе центра тяжести дипломатической и переговорной работы с *разоружения на нераспространение*, но и в перетоке кадров переговорщиков и экспертов в таких ключевых участниках переговорного процесса, как США и Россия, из достаточно быстро зачихших механизмов переговоров по стратегическим и обычным вооружениям в весьма аморфные и сильно политизированные структуры, связанные с комплексом нераспространенческих проблем. А некоторые политологи привнесли в анализ многосторонних проблем нераспространения традиционную неспешную методику *двухсторонки*. Таким образом, ряды тех, кто досконально знает разоруженческое дело и умеет грамотно вести переговоры, сильно ослаблены по обе стороны океана. Несмотря на видимую концентрацию экспертных ресурсов на нераспространенческом направлении, в 2005 г. произошел феноменальный провал Седьмой обзорной Конференции ДНЯО в Нью-Йорке, когда не удалось согласовать даже *куцый* заключительный документ. Виной тому, в том числе, и застой в процессе классического ядерного разоружения.

Совершенно очевидно, что ни одна из этих двух областей контроля над вооружениями не должна становиться заложницей другой. В обеих областях в равной степени накопились крупнейшие проблемы, угрожающие безопасности и стабильности и могущие породить региональные и даже глобальные кризисы, как правило, затрагивающие непосредственные интересы России. Между этими двумя направлениями существует неразрывная связь. Например, известный специалист Н.Н. Соков считает, что неэффективность существующих нераспространенческих режимов и, как теперь стало модно утверждать, неспособность международных организаций остановить распространение незаконных программ ОМУ могут придать ядерному оружию новую роль как важному компоненту средств так называемого контрраспространения⁹. Ядерные испытания, проведенные Северной Кореей в октябре 2006 г., безусловно, будут обыгрываться в интересах такого подхода.

Россия является преемницей сложившихся традиций в области борьбы за разоружение. Спад в ее активности на этом направлении закончился. Есть все основания ожидать, что Россия выступит с предложениями, нацеленными на то, чтобы если не остановить, то хотя бы замедлить наиболее опасные устремления тех, кто считает, что для них не существует ни пределов здравого смысла, ни ограничений их амбиций.

В Военной доктрине Российской Федерации одним из основополагающих положений является требование о том, что Россия должна обладать таким ядерным потенциалом, который был бы достаточен для того, чтобы нанести «заданный ущерб» любому агрессору «в любых условиях»¹⁰. Иными словами, российские ядерные силы должны быть способны пережить массированный неожиданный удар и в ответных действиях нанести агрессору вышеупомянутый «заданный ущерб». На этом подходе, по существу, и построена оправдавшая себя за долгие годы концепция ядерного сдерживания.

Сегодня довольно часто (правда, неофициально) слышатся голоса из наиболее воинственных кругов республиканцев в Вашингтоне, вещающие, что при нынешнем военном превосходстве, в том числе и в сфере ядерных вооружений, США могли бы одержать победу над любым противником в ядерном конфликте. Эти настроения нашли свое выражение и в на шумевшей статье в журнале *Foreign Affairs*¹¹, написанной двумя малоизвестными специалистами. По сути, эту статью можно оценить как провокационное прощупывание мировой реакции на некоторые идеи, прорабатывающиеся в Пентагоне. Дональд Рамсфельд ушел, так и не добившись окончательной победы в Ираке. И сразу же появился доклад Совета по науке Пентагона (*Defence Science Board*), который немедленно утек в прессу. В упомянутом докладе ставится вопрос об отказе от дальнейших переговоров по сокращению стратегических ядерных сил (СЯС) и необходимости сохранения и укрепления американского потенциала сдерживания «до прояснения будущего России»¹². Если такой подход станет реальной линией администрации, то он еще больше осложнит ситуацию вокруг дальнейших шагов по ядерному разоружению. Во всяком случае, нечеткая, мягко говоря, позиция Вашингтона по продолжению переговоров относительно замены СНВ-1 новой договоренностью не случайна. По-видимому, статья в *Foreign Affairs* происходит из тех же кругов, а целью своей она имела также и намерение подбодрить Пентагон в его нынешних иракских и афганских страданиях.

ВЫЗОВЫ ДЛЯ РОССИИ

Появление концепции *новой триады* США не ускользнуло от внимания руководства России. В своем докладе 2 октября 2003 г. на совещании руководящего состава Вооруженных сил РФ занимавший тогда пост министра обороны С.Б. Иванов обратил внимание на возможность возвращения американскому ядерному оружию свойств реального военного инструмента за счет применения отдельных технологических достижений. Речь идет о превращении ядерного оружия из средства сдерживания в оружие поля боя. На практике это означает снижение порога применения ядерного оружия, что фактически и следует из новоявленной концепции *новой триады*. А это, естественно, в генеральных штабах различных стран потребует перестройки системы управления войсками и принципов их боевого применения¹³.

Со своей стороны, российское руководство теперь допускает применение «принципа превентивности» в отношении международных террористов, что расширяет гибкость действий и возможность своевременного противодействия опасным тенденциям. Речь, однако, не идет о применении ядерного оружия¹⁴.

Конечно, в обозримом будущем, при отсутствии прямой военной угрозы, Россия не должна обременять себя катастрофическими идеями поддержания ядерного паритета не только с основными ядерными державами в совокупности, но и с США в отдельности. Мы не имеем права *наступать на те же грабли*, что и Советский Союз: это слишком дорого нам обошлось! Но поддержание убедительного ядерного сдерживания как ключевого элемента концепции стратегической стабильности является мерой ответственности руководства страны перед своим народом, что было четко выражено в «Основных положениях военной доктрины» 2000 г., где сказано: «Российская Федерация оставляет за собой право на применение ядерного оружия в ответ на использование против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового уничтожения, а также в ответ на крупномасштабную агрессию с применением обычного оружия в критических для национальной безопасности Российской Федерации ситуациях»¹⁵. Таким образом, оставлено за собой право применить ядерное оружие первыми при определенных обстоятельствах. Это требует не только переосмысления подходов к ядерному строительству, но и выделения в полной мере необходимых финансовых и материальных ресурсов, чтобы поддерживать живучесть и управляемость нашего сокращающегося ядерного потенциала на самом высоком и надежном уровне с учетом непрерывно совершенствующихся ядерных и неядерных средств нападения в современной войне.

Пока наши СЯС еще не достигли необходимых кондиций. Если такая работа будет последовательно осуществляться, то и провокационных мыслей о возможности победить нас в ядерном конфликте возникать не будет. Однако эта работа ни в коем случае не должна принять характер втягивания России в очередную гонку ядерных вооружений.

Для политического сигнала о серьезности наших намерений по защите нашей собственной национальной безопасности и территориальной целостности российское руководство, на мой взгляд, нуждается в обнародованной системе *предъядерного сдерживания*. Такая система предполагает параллельно опору на высокоточное оружие (ВТО) большой дальности для уничтожения на территории потенциального агрессора *объектов высокой ценности* с целью продемонстрировать в случае необходимости готовность ответить на угрозы повышением уровня эскалации. Это позволит иметь значительную гибкость и некий план первоначальных действий. В подавляющем большинстве ситуаций сам факт наличия системы *предъядерного сдерживания* станет важнейшим фактором сдерживания. В этом смысле я разделяю многие из взглядов известного российского специалиста по стратегическим вооружениям А.Г. Савельева¹⁶. Для достижения такого потенциала нет необходимости строить новые силы.

АМЕРИКАНСКАЯ ДОКТРИНА НОВОЙ ТРИАДЫ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ПРОЦЕССА РАЗОРУЖЕНИЯ

Озвученный в 2002 г. в США «Обзор состояния ядерных сил США» (*Nuclear Posture Review*) наметил важнейшие тенденции в развитии строительства американских ядерных сил в предстоящие пять–десять лет. Их реализация вызвана, в том числе, и новыми отношениями между США и Россией в стратегической сфере – обе стороны достигли понимания, что они не рассматривают друг друга в качестве противников и готовы совместно работать по проблемам новых вызовов и рисков, особенно в сфере борьбы с международным терроризмом. Сама ключевая идея, облеченная в термин *новая триада*, несколько дезориентирует, если не абстрагироваться от известного старого определения стратегической триады. Согласно этому документу, *новая триада* состоит из:

- наступательных ударных систем (как ядерных, так и неядерных);
- оборонительных систем (как активных, так и пассивных);
- обновленной оборонной инфраструктуры, которая обеспечивает своевременное реагирование на возникающие угрозы.

Эта *новая триада* связана в единый узел усиленной системой командования и контроля С2 и соответствующими разведывательными возможностями¹⁷.

Идея еще не приобрела окончательного облика, и попытки администрации *продать* ее Конгрессу США идут с переменным успехом в связи с предполагаемыми большими расходами на ее реализацию и очевидными политическими издержками. Но следует иметь в виду, что, хотя стратегические ядерные элементы старой триады становятся лишь частью *новой триады*, стратегические МБР, БРПЛ и бомбардировщики с ядерным оружием, тем не менее, продолжают составлять решающий компонент ядерной политики. В документе прямо говорится, что предметом озабоченности остается ядерный потенциал России. В случае, если отношения США и России серьезно ухудшатся в будущем, «США может потребоваться пересмотреть уровни ядерных сил и их планирование»¹⁸. Таким образом, не исключается пересмотр и договорных уровней. Но структура старой СЯС полностью сохраняется, и, более того, Вашингтон не намерен спускаться ниже уровня 2 200 ядерных боезарядов (плюс примерно 1 500 резервных)¹⁹. Уже идет работа по разработке новой МБР, которая с 2018 г. должна заменять *Минитмен 111*²⁰. Наличие таких планов не может быть объяснено никакими иными стратегическими задачами, кроме намерения сохранить мощный кулак ядерного сдерживания России. Спад в отно-

шениях США с Россией, имеющий место в последнее время, явно укрепляет такие задумки, и даже возможный приход к власти президента-демократа, по всей вероятности, не изменит эту постоянную составляющую американской политики.

В стадии обсуждения находятся проекты таких ядерных систем оружия, как высокоточные ядерные боеголовки мощностью около 10 т (так называемые *микро-ньюки*) для поражения высокопрочных объектов глубокого заложения; ядерные боеголовки мощностью около 1 000 т для использования на поле боя; ядерные боеголовки для противоракет системы ПРО мощностью примерно 100 т и некоторые другие новые типы ядерных вооружений²¹. Планируется все тот же *Минитмен-111* переоснастить боеголовками *W-87* и на БРПЛ *Трайдент-2* сохранить боеголовки *W-88*, которые предназначены исключительно для быстрого поражения высокозащищенных целей: шахтных пусковых установок МБР, районов размещения мобильных МБР и подземных пунктов управления войсками. Ни для кого не секрет, что перечисленные цели составляют основу ядерной инфраструктуры только в России. Известные противники этих планов сенаторы-демократы Эдвард Кеннеди и Дайэнн Файнштейн высказались по этому поводу с предельной ясностью: «Новое направление администрации в области ядерного оружия угрожает подорвать всю архитектуру контроля над ядерными вооружениями, которая с таким трудом создавалась последние полстолетия. [...] Было бы неправильно добавлять еще одну опасность, относясь к ядерному оружию как просто к еще одному виду вооружений в арсенале»²². Остается надеяться, что уважаемые сенаторы сейчас, когда Конгресс США попал в руки Демократической партии США, останутся верны своей линии, что открыло бы возможность сотрудничества с ними или по крайней мере предоставило возможность отказа США от наиболее одиозных замыслов. У России есть хороший шанс предложить иное видение ядерного будущего.

На встрече с министром обороны РФ С.Б. Ивановым на Аляске в августе 2006 г. Дональд Рамсфельд заявил: «США рассматривают возможность снять с нескольких МБР ядерные боеголовки и заменить их на обычные, и будут рады, если Россия поддержит американскую инициативу»²³. В ВВС США считают возможным при сравнительно небольших затратах развернуть несколько десятков МБР с неядерными боеголовками в течение двух лет²⁴. Становится очевидным, что под предлогом крайней необходимости борьбы с международным терроризмом России предлагают пойти по пути введения в практику боевого планирования высокоэффективных неядерных ударных средств различного базирования, причем в ряде случаев в обход положений СНВ-1. Об этом свидетельствует программа переоборудования нескольких ПЛАРБ²⁵. В США уже существуют такие проекты, как «Минотавр-11» и «Минотавр-111», где увеличение поражающего неядерного оснащения МБР и БРПЛ намечено добиваться за счет применения более энергоемких взрывчатых веществ и некоторых других технологий. Похоже, что цель этого – наращивание контрсиловых возможностей.

Предложенное Дональдом Рамсфельдом переоснащение некоторой части МБР и БРПЛ в неядерные, по-видимому, рассматривается в Вашингтоне как возможность вывести их за пределы существующих ныне соглашений. Понимая зыбкость своей аргументации и отсутствие необходимого уровня транспарентности, что не позволяет определить, с какой боеголовкой ракета запущена, обсуждается идея менее конфронтационной проблемы – «ложной идентификации неядерного удара». Американские специалисты рассуждают так, как если бы этот вопрос уже был предрешен, и даже предлагают раздельное размещение МБР с неядерным оснащением, в частности размещение на базах в Калифорнии и Флориде. Американцам по их стратегическим замыслам, судя по всему, выгодна такая амбивалентность, и им необходимо хотя бы молчаливое согласие России на такое развитие структуры СЯС. Проблема сама по себе от нас теперь куда не уйдет, и дело здесь не столько в аспекте «идентификации», сколько в обеспечении стратегической стабильности, что обе стороны традиционно торжественно декларируют. А реально это достижимо за счет повышения предсказуемости действий сторон и при постоянном устранении стимулов для нанесения первого удара. Как бы то ни было, проблема поставлена. Наверное, следует использовать ее для активизации переговоров с США относительно будущего стратегических вооружений, от которых наши партнеры упорно уходят.

ВЫСОКОТОЧНОЕ ОРУЖИЕ ВЫТЕСНЯЕТ ЯДЕРНОЕ?

Крупный российский ученый и конструктор, генеральный директор Государственного научного центра авиационных систем академик РАН Е.А.Федосов как-то писал: «...Основные вехи XXI века – глобализм экономики, постиндустриальная информационная цивилизация и возросший терроризм – совершенно не совместимы с ядерной парадигмой в системах вооружений. Глобальная экономика по своей логике не должна допускать применения ядерного оружия»²⁶. Военные столкновения, которые мы наблюдали в последние десять лет, свидетельствуют о **зарождении войн нового типа**.

Стерлось понятие *фронт*, который на Балканах, в Афганистане и Ираке фактически отсутствовал. Появилось понятие *бесконтактных боевых действий*. В качестве основного оружия использовалось ВТО (как правило, крылатые ракеты в широком операционном наборе), а также умные управляемые бомбы и такие новые средства разведки, целеуказания и доставки, как беспилотные летательные аппараты (БЛА). Сухопутные силы применялись только после полного разгрома противника для удержания и *зачистки* территории и ликвидации оставшихся отдельных очагов сопротивления. Все это не требует прибегать к ядерному оружию, хотя и ведутся разговоры о крайней необходимости мини-ядерных средств для уничтожения особо защищенных объектов или спрятанных в глубоких пещерах террористических структур.

По мнению Е.А. Федосова, страны с высокоразвитой экономикой, имеющие уязвимую инфраструктуру, находятся под возрастающим давлением общественных настроений в пользу запрета, наравне с химическим и бактериологическим, и абсолютного оружия – ядерного. 8 января 2007 г., явно откликаясь на эти настроения, такие видные в прошлом государственные деятели, как Генри Киссинджер, Джордж Шульц, Уильям Перри и Сэм Нанн, которые приложили ранее немало усилий для обоснования незаменимости ядерного оружия, выступили в газете *Wall Street Journal* с предложением о постепенном отказе от ядерного оружия в духе развенчания ореола могущественности, который ему сопутствует. Это, в принципе, не ново. В 1999 г. *ядерный ястреб* Пол Нитце также выступил с идеей отказа от ядерного оружия. Такое прозрение в политическом лексиконе США известно как *синдром отставных политиков и генералов*. Характерно, что многие действующие сотрудники госдепартамента, даже занимающиеся разоружением, о статье четырех отставников даже не слышали. В то же время мы видим и противоположную долгосрочную тенденцию: в США принята программа «Комплекс 2030», которая предусматривает глубокую модернизацию восьми ключевых объектов американского оружейного ядерного комплекса и по крайней мере семи ныне принятых на вооружение ядерных боеголовок.

В борьбе вышеперечисленных тенденций, по всей вероятности, и пройдет первая половина XXI века.

В случае технологического отставания России в разработке и строительстве ВТО (как оборонительных, так и наступательных), для нас могут возникнуть новые серьезные риски и угрозы. Для российских вооруженных сил приоритетной задачей в обозримом будущем должен стать переход на смешанную ядерную и неядерную парадигму развития вооружений (прежде всего, сокращение отставания от США и стран НАТО обеспечивается оснащением и концептуальной проработкой принципов использования ВТО сухопутными силами, ВВС и ВМФ в боевых действиях). Все это не исключает также и попыток в договорно-правовом поле *найти управу* на США и другие западные страны в плане пределов применения ВТО.

В современных условиях по-другому просматривается роль тактического ядерного оружия (ТЯО), которое в американских концепциях теряет свое значение²⁷. Выдвигаются некоторые идеи относительно того, что будто бы есть основания к выработке нового международного соглашения, которое охватывало бы все боеголовки и носители – как стратегического, так и тактического предназначения. Вряд ли в обозримом будущем переговоры о таком соглашении станут реальностью. А вот подключение к переговорам о сокращении ядерного оружия всех ядерных держав давно назрело.

В ПОВЕСТКЕ ДНЯ – КОСМОС

Все большую озабоченность вызывает ситуация, складывающаяся вокруг космического пространства. В 2007 г. отмечаются памятные даты: 150 лет со дня рождения К.Э. Циолковского; 100 лет со дня рождения С.П. Королева; 50 лет со дня запуска первого искусственного спутника Земли и сорокалетие со дня подписания Договора, регулирующего деятельность государств в открытом космосе (вступил в действие 10 октября 1967 г.). Как известно, данный Договор запрещает выводить в космос ядерное оружие и другие виды ОМУ, создание на космических сооружениях военных баз и объектов, проведение военных маневров в космическом пространстве. Однако в последнее время проблема вывода оружия в космос вновь выходит на передний план, поскольку имеющееся соглашение не полностью перекрывает путь для вывода в космос оружия на новых физических принципах. Военно-технические же достижения в области лазерной техники и электроники вплотную приближают некоторые страны к тому, чтобы получить военное превосходство над всеми в космосе, особенно в контексте противоракетной обороны.

Россия ранее заявляла о своей готовности официально объявить о том, что она не будет первой, кто выведет оружие в космос. Наши партнеры, прежде всего американские, не откликнулись. Более того, 18 октября 2006 г. Вашингтон обнародовал подписанный президентом США еще 31 августа 2006 г. документ о новой национальной политике в космосе. Этот документ заменяет президентскую директиву NSC-49/NSTC-8 от 14 сентября 1996 г. Анализируя этот документ, не могу не прийти к выводу о том, что США, действуя в одностороннем порядке, предпринимают попытку обеспечить себе абсолютную свободу действий в космосе в своих национальных интересах. Декларируется отказ от выработки новых правовых норм запретительного или ограничительного характера. Провозглашается намерение Вашингтона не допускать использования другими странами космических средств, *враждебных* для национальных интересов США. Право определения *враждебности*, естественно, полностью остается за США. Более того, Министерству обороны США ставится задача разработки механизмов по недопущению свободы действий в космосе возможных противников. В общем, новая космическая политика США открыто провозглашает долгосрочную доктрину завоевания господства в космосе. В этой новой доктрине прямо не говорится о возможности размещения оружия, в том числе ядерного, в космосе. Однако задача, поставленная перед Пентагоном, – использовать космический потенциал для обеспечения многоэшелонированной интегрированной системы ПРО, отлично вписывается в задачи *новой триады*, и одно это уже требует проведения дискуссии с США о правомерности такого подхода.

10 февраля 2007 г., выступая в Мюнхене на международной конференции по безопасности, президент России В.В. Путин высказал убеждение, что попытка милитаризации космоса может спровоцировать непредсказуемые для международного сообщества последствия – не меньшие, чем начало ядерной эры. Президент РФ сообщил, что Москва подготовила проект договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве и разошлет его всем партнерам в качестве официального предложения²⁸. Наступает так называемый *момент истины*. Начнется ли серьезная международная дискуссия?

Насколько в нынешних условиях реально начало такой дискуссии? В доктрине имеются положения, где говорится о приверженности США идее исследования и использования космоса всеми странами в мирных целях, о поддержке взаимовыгодного международного сотрудничества. Похоже, США не закрывают окончательно путь для обсуждения некоторых аспектов правового регулирования космической деятельности.

В то время как администрация США заявляет о своей оппозиции разработке новых правовых инструментов по предотвращению дальнейшей милитаризации космоса, для России целесообразно наращивать усилия по сохранению космоса свободным от новых видов оружия, по разработке мер, способствующих обеспечению предсказуемости стратегической ситуации в космосе. Союзников у нас здесь будет достаточно.

Следует иметь в виду, что в подходах США к проблемам космоса, как и на других направлениях разоруженческого процесса, просматривается уже знакомая линия. Во-первых, американцы, как правило, являются инициаторами открытия новых направлений гонки вооружений. Во-вторых, нескрываемой целью США является намерение добиться максимального военного превосходства и попытаться закрепить его на возможно долгий период. В-третьих, прослеживается постоянное уклонение если не от самого переговорного процесса, то от любых обязательств, которые могли бы связать им свободу рук и ограничить маневр. Наконец, в-четвертых, США стремятся вывести военно-технические достижения, а также свои арсеналы наиболее продвинутого средства разрушения из-под международного и двухстороннего контроля.

11 января 2007 г. КНР неожиданно для всех провела испытание противоспутникового оружия. На высоте более 800 км в космосе ракетой *Кайтуочже-2* был уничтожен спутник *Фен Юнь 1С*, который был запущен в 1999 г. При всей противоречивости в оценке технических и правовых аспектов произведенного китайцами испытания, совершенно очевидно одно – китайцы послали миру недвусмысленный сигнал, что они не намерены отдавать космос на откуп американцам и готовы бороться за его использование в интересах своей национальной безопасности. Для России в этой ситуации есть свой сигнал. Надо четко определяться и обеспечивать свои интересы, а параллельно формировать общественное мнение в пользу идеи мирного использования космоса.

БЕЗ ДОВЕРИЯ, БЕЗ НЕОБРАТИМОСТИ

Нынешняя администрация в Вашингтоне пришла в разоружение с лозунгом о том, что время юридически обязывающих договоров прошло, надо больше *налегать* на меры доверия и т.п. Времена президента Рональда Рейгана запомнились его знаменитым выражением «доверяй, но проверяй», теперь же эта присказка трансформировалась в формулу «мы настаиваем на том, чтобы по полной проверять вас, но вам следует отказаться от претензий на такие проверки в отношении нас».

Проблема заключается в том, что Россия и другие страны все меньше доверяют США. А ситуация между тем приближается к критической фазе. Учитывая, что в 2009 г. истечет срок действия СНВ-1 с его тщательно разработанной системой взаимного обмена информацией и контроля над выполнением, президент России В.В.Путин еще перед саммитом «Большой восьмерки» в Стрельне в 2006 г. призвал американских партнеров начать диалог о замене этого ключевого Договора соответствующими договоренностями. Настал 2007 г., а дело почти не стронулось с места. Возникают сомнения: а способна ли администрация Буша, окончательно ставшая *хромой уткой* после ноябрьских выборов 2006 г., на конструктивные достижения в области разоружения?

С администрацией Джорджа Буша-мл. Россия имеет пока только одно крупное достижение в сфере контроля над стратегическими вооружениями: Договор СНП 2002 г., выполнение которого приведет к демонтажу дополнительно тысяч ядерных боеголовок. Но и этот Договор завершится достаточно скоро – в 2012 г. Высокую оценку этому соглашению от имени мирового сообщества дал генеральный секретарь ООН Кофи Аннан, который, однако, не преминул напомнить о том, что «США и Россия должны сделать еще больше и заключить соглашения о контроле над вооружениями, которые влекут за собой не только демонтаж, но и **необратимость** [выделено мной – Авт.]»²⁹

Последнее имеет принципиальное значение. В Договоре о СНП по причине неуступчивости США нерешенной осталась проблема «возвратного потенциала», то есть, проще говоря, большое количество боеголовок снимается, но не уничтожается, а просто складировается. В случае необходимости они могут быть возвращены в строй. В середине 1990-х гг. заместитель генерального секретаря ООН Джаянта Данапала продвигал концепцию *decoupling* — то есть отстыковку боеголовок от боевых носителей и хранение их отдельно – очень похожую на концепцию СНП. Однако уже тогда многие специалисты выражали сомнение в том, что реализация этой идеи явится эффективной разоруженческой мерой.

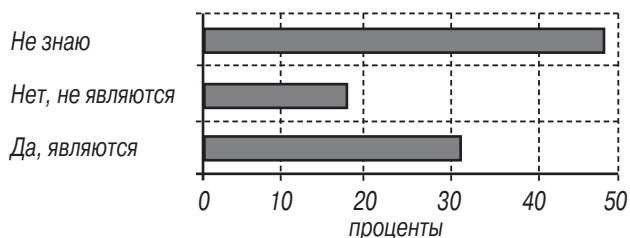

Говорилось, что это, скорее, мера доверия. Экспертам было ясно, что сама конструкция соглашения уязвима, открыта для злоупотреблений. В этих условиях призыв «проверяй!» крайне актуален в отношении действий именно США, которые рассчитывают иметь до 1 500 ядерных боеголовок в так называемом резерве³⁰. В подходах США и России возникает определенная асимметрия.

На эту мысль наталкивают и выявившиеся теперь достаточно отчетливо последствия разрушения Договора по ПРО администрацией Джорджа Буша-мл. Появление проектов создания в Европе, в непосредственной близости от территории России, так называемого «третьего позиционного района по развертыванию эшелонированной системы ПРО» – якобы против иранских ракет, явилось, на самом деле, шагом, давно продуманным. Дело тут не только и не столько в иранской угрозе, сколько в планах США заполучить еще один рычаг давления не только на Россию, но и на своих европейских союзников.

Является ли размещение компонентов ПРО США в Польше и Чешской Республике угрозой для национальной безопасности России?

В опросе принимали участие посетители интернет-представительства ПИР-Центра. Опрос проводился в период с 15 апреля по 31 мая 2007 г.

ЯДЕРНЫЕ ИСПЫТАНИЯ

Россия вовлечена в стратегические отношения с США в разных форматах. Это огромные по своему объему отношения на двухсторонней основе и взаимодействие в рамках многосторонних переговоров. В этом контексте есть две особенно болевые точки: ратификация ДВЗЯИ и вопрос Протокола о контроле за выполнением Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления бактериологического (биологического) и токсинного оружия и его уничтожения (КБТО).

В случае с ДВЗЯИ, полагаясь на свое огромное финансовое и технологическое превосходство, США поначалу рассчитывали *задушить* своих партнеров по ядерному клубу – прежде всего Россию и Китай – посредством цепких объятий ДВЗЯИ. Республиканцы по наследству восприняли эту линию от демократов. Расчет строился и в определенной степени продолжает строиться сейчас на том, что в условиях действия моратория на проведение ядерных испытаний (с 1992 г. моратория по ДВЗЯИ и более длительного одностороннего моратория СССР) скорость деградации ядерно-оружейного комплекса РФ резко возрастет и за годы действия ДВЗЯИ окончательно закрепится большое ядерное преимущество США.

Да, у России по ряду показателей ядерные боезаряды уступают американским сверхсовершенным боеприпасам. Но именно в силу менее «напряженной конструкции» наши специалисты заложили более высокие запасы надежности в условиях неопределенности по параметрам старения. Это окупил себя много лет спустя, хотя этот вопрос должен постоянно находиться под самым бдительным наблюдением наших военных ядерщиков. А что же американцы? Несмотря на все ухищрения и *вылизанность* до предела, конструкции американского ядерного боезаряда оказались сверхкапризными и чрезвычайно чувствительными к эффекту старения. Как следует из анализа намерений американцев, выраженных в программе *RRW (Reliable Replacement Warhead)* – иными словами, программы надежной замены боеголовок – именно у них обострилась проблема гарантированной надежности боезарядов. В программе *RRW* заявляется, что цель будет

достигнута без ядерных испытаний. Удастся ли это сделать – большой вопрос. По крайней мере, неудачные пока попытки нынешней администрации добиться от Конгресса США сократить срок готовности Невадского ядерного полигона к испытаниям с 36 месяцев до 18 месяцев³¹ вызывают подозрения. США стали заложниками своей предыдущей политики и будут всячески искать варианты для возобновления проверки надежности ядерных вооружений при минимальных политических издержках для себя. И в этом смысле следует также ожидать усиления целенаправленных попыток вновь увести дело в сторону «гонки научно-технических возможностей». Уже тратятся огромные средства на компьютерное моделирование и оснащение полигонов для безвзрывных испытаний. Тем не менее, в этом вопросе нас могут подстеречь большие неожиданности, исходящие от США.

В отличие от США, делающих ставку на превентивный разоружающий удар (*preemptive as well as preventive*), Россия планирует применять ядерное оружие только в ответ на агрессию, и нам нужны более мощные боеприпасы. Не имея избытка в носителях ядерного оружия, мы крайне нуждаемся в том, чтобы сохранить существующий арсенал в требуемых (это не означает несокращаемых) количественных параметрах. Это также залог нашего успешного ядерного сдерживания. Это, как писал великий Ломоносов в своем письме графу Шувалову 1 ноября 1761 года, «задача сохранения военного искусства во времена долговременного мира»³².

НОВЫЕ ТЕАТРЫ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Нынешняя правящая группа республиканской партии США активно проводит концепцию «революции в военном деле» (*Revolution in Military Affairs*), начатой еще при Билле Клинтоне. Суть ее в том, что вооруженные силы США через перевод военной машины на новые военные технологии должны быть оптимизированы таким образом, чтобы американское руководство могло проецировать американскую мощь глобально, в любую точку мира. Естественно, потребовалось политическое обрамление этих устремлений, выразившееся в появлении концепции «революции в стратегических подходах» (*Revolution in Strategic Affairs*). Но администрация Джорджа Буша-мл. значительно расширила содержание планов предшественника.

В контексте этой революции появились принципиально новые театры применения вооруженных сил США. Удивительно, но большая часть новых театров оказалась на территории стран СНГ – Кавказ, Центральная Азия и др. Развитие этих концепций на практике должно стать предметом пристального внимания российского руководства. К примеру, зачем нам нужно создание по американскому сценарию так называемой *Каспийской стражи* (*Caspian Guard*), естественно, при ключевом участии вооруженных сил Соединенных Штатов – страны ни географически, ни политически не принадлежащей региону. Ведь Россия уже сделала предложение о создании «Сил по поддержанию безопасности на Каспии» (*CASPFOR*). Зачем конкурировать?

НУЖЕН ЛИ ДОВСЕ?

В контексте многосторонней дипломатии и переговорного процесса крупным достижением стало заключение в 1990 г. Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). При заключении ДОВСЕ высказывались надежды, что мы на пути к укреплению европейской безопасности и стабильности. Поначалу так и было. За 16 лет все страны-участницы Договора, прежде всего Россия, ликвидировали в общей сложности 63 500 единиц тяжелых вооружений, одновременно количество людей в военной форме уменьшилось более чем в два раза – до трех млн человек. ДОВСЕ все еще является ключевым элементом в системе отношений НАТО и России, но постепенно ощутимо теряет свою актуальность и логику.

Прежде всего, в силу кардинально изменившихся политических и военно-стратегических условий в Европе такое спорное положение, как фланговые ограничения в пределах национальной территории, которые сейчас действуют только в отношении России и частично в отношении Украины, по-моему, полностью потеряли смысл. В свое время они очень мешали России в проведении контртеррористических операций на Северном Кавказе. Мне, участнику разработки мандата по переговорам ДОВСЕ, хорошо известно, как Россия пошла навстречу Западу, прежде всего Турции, при определении прохождения границы так называемой *зоны исключения* на территории Турции в Малой Азии, где, по словам турецких военных, они проводили контртеррористическую операцию против мятежных *горных турак* (на самом деле курдов). Запад же не пошел России навстречу на Северном Кавказе, пока *не запахло порохом* в США и Европе.

Нам и сейчас постоянно напоминают о так называемом *полном выполнении* Стамбульских обязательств и поэтому много лет блокируют ратификацию адаптированного ДОВСЕ. Отсюда возникают два вопроса. Первый – а есть ли единое понимание, прежде всего на Западе, что такое *полное выполнение* Стамбульских обязательств? И, во-вторых, на мой взгляд, существующий вариант адаптированного ДОВСЕ за эти годы настолько устарел, что его надо заново адаптировать, учитывая в нем и ликвидацию той *серой зоны*, которая возникла с вступлением трех прибалтийских государств в НАТО, и последствия последнего расширения НАТО, в результате которого государства, входящие теперь в западный блок, используют квоты вооружений, которые они ранее приобрели как участники, в него не входящие.

Мне, активному участнику переговоров, прекрасно помнится один из примечательных аргументов НАТО в пользу как можно больших сокращений тогда еще советских вооружений и весьма специфической географической структуры размещения вооруженных сил по территории СССР (России). Мы спрашивали натовцев, зачем им эти сложности и неужели они думают, что мы на них собираемся нападать. На что они совершенно спокойно отвечали: нет, мы уверены, что вы не собираетесь на нас нападать, но вы имеете такие военные возможности (*military capabilities*), выдвинутые в чувствительные натовские регионы, что кроме количественных ограничений необходимы и географические пределы уровней войск. М.С. Горбачев решил пойти навстречу пожеланиям западных партнеров в расчете на их, казалось бы, искренние заверения о дружбе и сотрудничестве вплоть до заверений, что у них-де и в мыслях нет планов расширения НАТО. Что из этого вышло, мы все теперь знаем. Пора бы Западу продемонстрировать на практике свой здравый смысл и сделать ответные шаги.

С тех пор утекло много воды. Россия пережила длительный период ослабления, который наши партнеры использовали максимально в своих интересах. Настало время сказать нашим натовским партнерам те же слова, с какими они обращались в свое время к нам: **«Возможно, вы и не собираетесь на нас нападать, но ваши *military capabilities*, а, главное, их размещение по периметру российских границ вызывают у нас открытые подозрения; и даже сотрудничество в рамках Совета Россия–НАТО никоим образом не снимает все наши озабоченности».**

Как человеку, причастному к разработке ДОВСЕ, мне особенно грустно осознавать, что в том виде, в каком он сохранился, в настоящее время ДОВСЕ не отвечает потребностям обеспечения равной безопасности для всех стран европейского континента, а тем более не отвечает в должной мере интересам обеспечения безопасности России. Но отказаться от устаревшего, но очень важного документа, не предложив ничего взамен, проще всего. Будет более правильным и понятным, если Россия выступит с развернутым видением обеспечения безопасности Европы на нынешнем и последующих этапах с учетом новых реалий, с видением, включающим и современные идеи обеспечения баланса интересов всех стран.

Более 100 лет назад один из первых российских геополитиков А.Вандам (генерал-майор императорского генштаба А.Е. Едрихин) дал интересную рекомендацию: «В Европе [...] нам никоим образом не следует класть голову на подушку соглашений с такими

народами, искусство борьбы за жизнь которых много выше нашего, а нужно рассчитывать лишь на самих себя»³³. По-видимому, это наблюдение царского генерала и русского патриота становится особенно верным сейчас, когда на Западе все чаще звучат заявления о том, что энергетические богатства России должны принадлежать всему миру (читай – Западу).

Администрация Джорджа Буша-мл. и администрация В.В. Путина вступают в президентские избирательные циклы в своих странах. Действующие сейчас главы двух государств, судя по всему, не успевают решить все накопившиеся проблемы в области контроля над вооружениями. Но мы вправе ожидать, чтобы они **приступили хотя бы к созданию задела для своих преемников** ради продолжения важной для всего мира работы по укреплению безопасности и стратегической стабильности, прежде всего в ядерной сфере. Чувствуется, что Россия в принципе готова к этому. А наши американские партнеры?

Карл фон Клаузевиц писал: «Главная ошибка людей состоит в том, что бед сегодняшних они боятся больше, чем бед завтрашних». Это означает только одно: надо учиться упреждать последствия появления новых опасных военных технологий и классов оружия путем своевременных политических и юридических шагов. В противном случае нас снова ждет долгая и изматывающая гонка вооружений и возникновение тяжелых кризисов и противостояний.

Примечания

¹ SIPRI Yearbook 2006. Armaments, Disarmament and International Security. NY.: Oxford University Press. P. 326.

² 2000 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Final Document, NPT/CONF/2000/28 (Parts I and II). P. 14–15, <http://disarmament.un.org/wmd/npt/2000FD.pdf> (последнее посещение – 20 февраля 2007 г.).

³ Министерство иностранных дел РФ. «О ратификации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Подготовительной комиссией Организации по Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ПК ОДВЗЯИ)». Сообщение для СМИ № 2254 от 25.12.2006, http://www.mid.ru/brp_4.nsf/sps/E7AA5E4E17B6B0B6C325724F002F2EE9 (последнее посещение – 21 февраля 2007 г.).

⁴ U.S. Nuclear Policy and World Nuclear Situation. Presentation of Hans M. Kristensen to the Gensuikin Conference, Tokyo, August 1, 2004, <http://www.nukestrat.com/pubs/gensuikin2004b.pdf> (последнее посещение – 21 февраля 2007 г.).

⁵ U.S.-Russia Mark Major Nonproliferation Milestone. Statement by the Press Secretary, <http://www.whitehouse.gov/news/releases/2005/09/20050930-3.html> (последнее посещение – 22 февраля 2007 г.).

⁶ Сообщение пресс-службы Президента Российской Федерации, 2000/11/13-2, <http://kremlin.ru/text/psmes/2000/11/31956.shtml> (последнее посещение – 20 февраля 2007 г.).

⁷ Andrew J. Goodpaster. Shaping the nuclear future: toward a more comprehensive approach. The Atlantic Council of the United States Occasional paper 1997, http://www.acus.org/docs/9712-Shaping_Nuclear_Future_Toward_More_Comprehensive_Approach.pdf (последнее посещение – 20 февраля 2007 г.).

⁸ Rose Gottemoeller. Arms control in a new era. *The Washington Quarterly*. 2002. Spring. P. 45.

⁹ Nikolai Sokov. Trends in US Nuclear Strategy. Presentation at conference «Results of the NPT Review Conference and Nuclear Policies», Geneva Center for Security Policy, June 8, 2005, http://www.gcsp.ch/e/meetings/Security_Challenges/WMD/Public_Disc/2005/NPT/speechDr.Sokov.pdf (последнее посещение – 22 февраля 2007 г.).

- ¹¹ Keir A. Lieber, Daryl G. Press The Rise of U.S. Nuclear Primacy. *Foreign Affairs*. 2006. March/April, <http://www.foreignaffairs.org/20060301faessay85204/keir-a-lieber-daryl-g-press/the-rise-of-u-s-nuclear-primacy.html> (последнее посещение – 21 февраля 2007 г.).
- ¹² US report warns of Russian nuclear threat. *Jane's Intelligence Digest*. 2007. January 26.
- ¹³ Доклад министра обороны РФ на совещании руководящего состава ВС РФ 2 октября 2003 года, <http://www.old.mil.ru/articles/article3667.shtml> (последнее посещение – 20 февраля 2007 г.).
- ¹⁴ Сергей Иванов. Военная доктрина: Россия должна быть сильной. *Ведомости*. 2006, 12 января. <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article.shtml?2006/01/12/101504> (последнее посещение – 20 февраля 2007 г.).
- ¹⁵ Военная доктрина Российской Федерации. Цит.соч.
- ¹⁶ Александр Савельев. К вопросу о роли ядерного оружия в обеспечении безопасности России в XXI веке. *Ядерный Контроль*. 2005. № 3. С. 45–54.
- ¹⁷ Nuclear Posture Review (in-depth coverage). Submitted to Congress on 31 December 2001, <http://www.globalsecurity.org/wmd/library/policy/dod/npr.htm> (последнее посещение – 22 февраля 2007 г.).
- ¹⁸ Ibid.; Владимир Дворкин, Павел Каменнов, Элина Кириченко, Владимир Пырьев, Семен Ярославцев. Ядерная политика «большой пятерки». В кн.: А. Арбатов, В. Дворкин (ред.) Ядерное оружие после «холодной войны». М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. С. 61–62.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ SIPRI Yearbook 2006. Op.cit. P. 642.
- ²¹ Владимир Дворкин, Павел Каменнов, Элина Кириченко, Владимир Пырьев, Семен Ярославцев. Цит.соч. С. 60
- ²² А.С. Дьяков, Е.В. Мясников. Высокоточные ракеты заменяют ядерные. *Независимое Военное Обозрение*. 2000, 4 февраля.
- ²³ Владимир Белоус. Странные предложения Дональда Рамсфелда. *Независимое Военное Обозрение*. 2006, 15 сентября.
- ²⁴ А.С. Дьяков, Е.В. Мясников, Н.Н. Соков. Процесс сокращения ядерных вооружений и контроль над ними в российско-американских отношениях: состояние и перспективы. Центр по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при МФТИ. Долгопрудный: 2006. 44 с.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ *Российское военное обозрение*. 2004, № 5, май. С. 6–7.
- ²⁷ Nikolai Sokov. Op.cit.
- ²⁸ Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 года, Мюнхен, http://kremlin.ru/appears/2007/02/10/1737_type63374type63376type63377type63381type82634_118109.shtml (последнее посещение – 17 апреля 2007).
- ²⁹ При большей свободе: к развитию безопасности и правам человека для всех. Доклад Генерального секретаря ООН (A/59/2005), 21 марта 2005 года. С. 37.
- ³⁰ Олег Владыкин. Просчитались и расстреляли. *Московские Новости*. 2007, 2 февраля.
- ³¹ Nikolai Sokov. Op.cit.
- ³² М.В. Ломоносов. Сочинения. М.: Современник, 1987. С. 253.
- ³³ А. Вандам. Наше положение. В кн.: Неуслышанные пророки грядущих войн. М.: 2004. С. 138.